

Пролог

В самом начале была Сорая.

Сорая — с черными как ночь глазами, пухлыми губами и пронзительным смехом. Сорая, которая резко переходит от смеха к слезам, от возбуждения к меланхолии, от ласковой нежности к вызывающей грубости. Сорая и ее секрет, ее боль, ее протест. Сорая и ее невероятная история веселой девочки, оказавшейся в когтях людоеда.

Именно с нее я начинаю книгу.

Я встретила ее в один из тех дней всеобщего веселья и хаоса, которые последовали после поимки и смерти диктатора Муаммара Каддафи в октябре 2011 года. Меня командировал в Триполи журнал «Монд». Я занималась исследованием роли женщин в революции. Время было горячим, и меня очень интересовала эта тема.

Меня нельзя назвать специалистом по Ливии. Тогда я отправилась туда впервые, восхищенная неслыханной отвагой, которую проявили повстанцы, свергая тирана, правившего сорок два года, но в то же время я была заинтригована полным отсутствием женщин на фотографиях, в фильмах и репортажах, появившихся за последние месяцы. Другие весенние восстания и ветер надежды, повеявший на этот клочок Земли, открыли миру силу жительниц Туниса, которые присутствовали на всех публичных дебатах, а также удаль египтянок, которые,

подвергаясь всяческим рискам, участвовали в демонстрации на площади Тахрир в Каире. Но где же были ливийки? Что делали они во время революции? Ждали ли они ее, начинали ли они ее, поддерживали ли? Почему они прятались? Или, точнее, почему их заставили прятаться, их, жительниц малоизвестной страны, образами которых завладел шутовской вождь, сделав из своих телохранительниц — знаменитых амазонок — знамя собственной революции?

Мои коллеги-мужчины, которые следили за восстанием от Бенгази до Сирта, признались мне, что лишь изредка встречали их — тени, закутанные в черные платки, — и что ливийские повстанцы упорно запрещали им общаться со своими матерями, женами или сестрами. «Может быть, тебе больше повезет!» — говорили они мне с усмешкой, убежденные в том, что в этой стране история не может быть написана женщиной. В первом они не ошиблись. Будучи женщиной и журналисткой, даже в самых консервативных странах я пользовалась большим преимуществом, имея доступ ко всему обществу, а не только к его мужской половине. Мне хватило всего нескольких дней со множеством встреч, чтобы понять: роль женщины в ливийской революции была не просто важной — она была решающей. «Женщины, — сказал мне один из руководителей мятежников, — организовали секретную повстанческую армию». Они поддерживали, кормили, скрывали, перевозили, лечили, снабжали, информировали повстанцев. Они обратили в наличные средства недвижимость, чтобы купить оружие, шпионили за силами Каддафи в пользу НАТО, по-

хитили тонны медикаментов, в том числе и из госпиталя, которым управляла приемная дочь Муаммара Каддафи (да, та самая, которую ложно объявили мертвой после бомбардировки американцами его резиденции в 1986 г.). Они подвергались безумным рискам: быть арестованными, подвергнуться пыткам, быть изнасилованными. Ведь изнасилование — рассматриваемое в Ливии как тягчайшее из преступлений — стало повсеместной практикой и было объявлено оружием войны. Они душой и телом отдались этой революции. Взбешенные, ошеломленные, героические. «Это правда, что женщины имели личные счета с Полковником», — призналась мне одна из них.

Личные счета... Я не сразу поняла значение этих слов. Разве не весь ливийский народ, который терпел его четыре десятка лет, в конце концов предъявил личный счет деспоту? Лишение прав и свобод, кровавые репрессии оппозиционеров, ухудшение систем здравоохранения и образования, бедственное состояние отраслей инфраструктуры, обнищание народа, падение культуры, расхищение доходов от нефти, изоляция на мировой арене... Почему эти «личные счета» касаются женщин? Разве автор «Зеленой книги»¹ не кричал без умолку о равенстве мужчин и женщин? Разве он не выставял себя ярким защитником женщин, подняв брачный возраст до двадцати лет, отвергнув полигамию и другие злоупотребления

¹ «Зеленая книга» — программный теоретический труд Муаммара Каддафи, отрицающий традиционные формы демократии, такие как парламент, партии, референдумы, и излагающий основные принципы прямой народной демократии, основанной на народных конгрессах и народных комитетах.

патриархального общества, даровав больше прав разведенным женщинам, чем в большинстве мусульманских стран, и открыв для слушательниц всего мира Женскую военную академию? «Вздор, лицемерие, маскарад! — скажет мне позже одна знаменитая женщина-юрист. — Мы все были его потенциальными жертвами».

Именно тогда я и встретила Сораю. Наши дороги пересеклись утром 29 октября. Я завершила свое расследование и на следующий день должна была покинуть Триполи, чтобы отправиться в Париж через Тунис. Я возвращалась с огорчением. Конечно, я получила ответ на свой первый вопрос об участии женщин в революции, собрала множество историй и подробных рассказов, прославляющих их борьбу. Но как много оставалось тайн, подвешенных в воздухе! На тему массовых изнасилований, совершенных наемниками и солдатами Каддафи, было наложено непреодолимое табу, погружавшее представителей власти, семьи и женские организации во враждебное молчание. Международный уголовный суд, который начал свое расследование, сам столкнулся с большими трудностями в поисках жертв. Что касается страданий, которые испытывали женщины до начала революции, о них упоминали лишь вскользь, с бегающим взглядом и глубокими вздохами. «Зачем снова мусолить столь унижительные и непростительные дела и преступления?» — часто доводилось мне слышать. И ни одного признания от первого лица. Ни единого рассказа жертвы, обвиняющей Вождя.

А потом появилась Сорая. Она носила черный платок, покрывавший пышную массу волос, затянутых в узел, на

ней были большие солнечные очки и брюки из струящейся ткани. Полные губы делали ее похожей на Анджелину Джоли, а когда она улыбалась, искорки детского веселья вдруг освещали ее красивое, но уже изможденное лицо.

— Сколько лет вы мне дадите? — спросила она меня, снимая очки. Она подождала и затем нетерпеливо опередила мой ответ: — Мне кажется, что мне лет сорок!

Ей казалось, что это много. А было ей двадцать два.

Солнце заливало улицы взбудораженного Триполи. Прошло уже больше семи дней с тех пор, как умер Муаммар Каддафи. Национальный переходный совет официально провозгласил освобождение страны. Зеленая площадь снова получила свое старое название — площадь Мучеников, и накануне вечером на ней вновь собрались толпы жителей Триполи, выкрикивавших в эйфории: «Аллах!» и «Ливия!», после чего состоялся концерт революционных песен под грохот очередей из автоматов Калашникова. Жители каждого квартала купили и зарезали перед мечетью одногорбого верблюда, чтобы разделить его с беженцами из разоренных войной городов. Все повторяли друг другу такие слова, как «единство», «солидарность», «счастливые, как никогда в человеческой истории». А также оглушенные, опьяневшие. Неспособные снова приступить к работе и вернуться к нормальному течению жизни. Ливия без Каддафи... Это было невероятно.

Разукрашенные автомобили продолжали ездить по городу, набитые повстанцами, которые сидели на капоте, на крыше, на дверцах, размахивая флагами. Они сигналили, каждый из них держал свое оружие как близкого